27

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

10-4-24.

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 25

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1908

Проверено 1953 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *А. Е. Архипова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 25.

А. М. Васнецовъ. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI — XVII вв.).

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1908.

2
4819-25

5919

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

На картинѣ изображенъ внутренній видъ одной изъ комнатъ зажиточнаго древне-рускаго дома XVI, середины XVII вв. По находящимся въ комнатѣ видно, что она обитаема женской половиной семьи, селившейся обыкновенно въ верхнемъ этажѣ дома, который назывался теремомъ.

Въ лѣвой части картины старая бабушка, сухая и суровая богомольница, умѣющая и канонъ прочитать, и „службу“ справить, сидя на „лежанкѣ“ слѣдитъ, какъ мальчикъ за столомъ, вкладывая всю силу своего уразумѣнія въ указку, которую онъ твердо упираетъ въ листы азбуки съ ихъ скучными и надоѣдливыми слогами, старается истово и съ толкомъ научиться „книги чести“. Необходимая принадлежность древне-русской педагогіи—розга—подъ рукой у бабушки-мастерицы. Наука дѣло серьезное и святое—потому-то такъ и строга бабушка.

Конечно, она ласковѣе взглянетъ на тѣхъ внуковъ, которые среди горницы играютъ — одинъ деревяннымъ конемъ, а другая—куклой.

У стола, за ларцомъ съ бѣлилами и румянами, сидитъ взрослая внучка-невѣста и примѣриваетъ свой парадный головный уборъ. Мать, а, можетъ, и жена старшаго брата подаетъ невѣстѣ другой уборъ. Налѣво видна дверь въ спальню съ сундуками и горкой подушекъ на убранной нарядно по стели.

Въ углу стоитъ „свѣтецъ“ съ ушатомъ воды передъ нимъ для отпадающихъ отъ лучины углей. Въ переднемъ углу направо „божница“, а рядомъ шкафъ со свѣчами, книгами и „кацеей“—небольшой ручной кадильницей. Около израсчатой печи на протянутой веревочкѣ навязаны пучки разныхъ лѣкарственныхъ травъ. На полу постланы бѣлыя дорожки, чтобы не пачкать и не топтать чисто-на-чисто вымытаго липоваго пола. Оконъ въ горницѣ четыре—одно изъ нихъ заставлено изнутри втулкой — деревяннымъ щитомъ, обитымъ краснымъ сукномъ. Окна—слюдяныя, какія тогда по преимуществу были въ ходу, потому что стекло стоило дорого, а слюду большими количествами вывозили „изъ корелъ“.

Существовали особые мастера-искусники располагать слюду въ оконницахъ красивымъ узоромъ и пестро расцвѣчивать ее; такой художникъ изготовлялъ сначала свинцовую рамку—узоръ, а потомъ вставлялъ большіе и малые куски слюды; особое искусство расположенія и окраски заключалось въ томъ, чтобы расположить все такъ красиво-запутанно, чтобы изъ комнаты во дворъ было все видно и свѣта въ комнату проходило много, но чтобы снаружи никто, въ случаѣ если заглянетъ, не могъ разсмотрѣть, что дѣлается въ комнатѣ. На ночь, кромѣ втулокъ изнутри, окна снаружи затворялись пестро и нарядно расписанными ставнями, которыя въ каменныхъ домахъ дѣлались изъ желѣза. Оконъ въ комнатѣ старались сдѣлать побольше, чтобы было свѣтлѣй. Считалось очень красивымъ дѣлать въ одной комнатѣ окна разныхъ формъ.

Простые деревянные потолки—подволоки—обыкновенно ничѣмъ не покрывались и щеголяли только гладью хорошо отструганныхъ досокъ. Полы дѣлались или простые, въ ширину и длину доски, или изъ дубовыхъ плашекъ, уложенныхъ въ родѣ того, какъ теперь укладываютъ плашки торцовой мостовой. Бревенчатыя стѣны обивались всегда тесомъ, по которому люди богатые набивали красную сафьяновую

кожу, а люди бѣдные довольствовались иногда красиво сплетенной рогожей; иногда же оставляли стѣны голыми, любуясь красиво расположенными тесинками. Въ каждой комнатѣ старались устроить печь изъ муравленыхъ изразцовъ, большею частью зеленаго цвѣта; печку очень любили и старались сдѣлать ее, какъ можно наряднѐе и по рисунку изразцовъ, и по формѣ. Топка печи прикрывалась желѣзной кованной заслонкой; топку часто устраивали въ подклѣтѣ, въ нижнемъ этажѣ, и тогда на верхъ проводились въ нарядныя печи нагрѣвательныя трубы изъ обожженой глины. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя прикрѣплялись къ стѣнамъ неподвижно. Лавки эти были накрыты коврами, а чаще суконными налавочниками съ нашитыми изъ сукна же узорами. На лавкахъ, подставляя къ нимъ вплотную широкую скамью, устраивали постель. Двери въ комнатахъ дѣлались деревянныя, тонкой столярной работы и укрѣплялись или на желѣзныхъ крюкахъ, или на мѣдныхъ луженыхъ петляхъ, подъ которыя подкладывалось красное сукно; двери были такъ малы и узки, что въ нихъ сколько-нибудь дородному человѣку трудновато было войти.

Кромѣ лавокъ, въ каждой комнатѣ находились еще скамьи и стольца—табуреты. Скамьи тоже накрывались налавочниками. Кресла и стулья стали входить во всеобщее употребленіе не ранѣе половины XVII в., когда упоминаются и торговцы ими въ гостинномъ дворѣ, а до того эта мебель была принадлежностью домовъ только очень богатыхъ лицъ. Вся мебель дѣлалась въ общемъ довольно тщательно, по преимуществу изъ дуба, украшалась рѣзьбой и токарной работой. Столы были, обыкновенно, узкіе, въ три доски, но длинные—аршина по четыре и тоже отличались тщательностью отдѣлки; у богатыхъ людей бывали столы, расписанные красками, иногда съ изображеніями изъ священной исторіи. Кромѣ большихъ столовъ, дѣлали и маленькіе—квадратные и круглые, украшенные каменной мозаикой. Любители игры въ «тавлеи» —шашки,

или въ «шахи»—шахматы, имѣли столы, приспособленные для этихъ игръ.

Большіе столы ставили передъ лавками и всегда покрывали подскатертниками, обыкновенно изъ грубаго сукна или полотна съ узорами и разводами, нашитыми изъ сукна или полотна болѣе тонкаго и другихъ цвѣтовъ. Оставить столъ непокрытымъ считалось очень неприличнымъ, какъ неприличнымъ считалось не покрыть для обѣда стола еще и скатертью, на которую ставили тарелки и обыкновенно сразу выставляли всѣ кушанья, какія готовились. Скатерти были полотняныя, бѣлыя простыя или браныя т. е. шитыя, съ золотошвейной каймой или бахромой.

Зеркала, картины, стѣнные часы были большой рѣдкостью. Считалось даже грѣхомъ вѣшать зеркала на стѣну, и только съ середины XVII в. взгляды на этотъ предметъ нѣсколько измѣнились, и на стѣнахъ знатныхъ домовъ появились не только зеркала, но даже эстампы и гравюры хорошей нѣмецкой и аглицкой работы. Тогда же стали вѣшать и стѣнные часы, при чемъ не стѣснялись повѣсить на стѣну въ одной комнатѣ двое и трое часовъ—это еще былъ предметъ дорогой привозной роскоши и потому количествомъ своимъ долженъ былъ свидѣтельствовать о богатствѣ домохозяина. Для храненія разныхъ цѣнныхъ вещей по стѣнамъ были набиты красивой рѣзной работы полки, на которыхъ ставили нарядную золотую и серебряную посуду, веницейскіе стаканы и стопки цвѣтного стекла, разные заграничныя бездѣлушки нѣмецкой и фряжской работы—серебряные яблоки, золотого пѣтуха, «мужика» серебрянаго, т. е. статуэтку мужчины, костяной «городъ»—крѣпость—рѣзной работы съ башнями, воротами, пушками, солдатами, «мужиками» и «бабами», миніатюрныя изображенія изъ золота и серебра разныхъ домашнихъ принадлежностей и посуды, слона «а на немъ мужикъ сидитъ», страусовое яйцо и т. п.

Въ парадныхъ комнатахъ у богатыхъ людей по стѣнамъ висѣли бра, а съ потолка спускалась люстра для восковыхъ свѣчей, въ углахъ же стояли канделябры въ родѣ большихъ церковныхъ подсвѣчниковъ. Восковыя свѣчи зажигали только въ очень торжественныхъ случаяхъ, а въ обыкновенные дни люди богатые не стѣснялись жечь сальныя свѣчи, а всѣ вообще жгли лучину, заправлять которую, чтобы она горѣла ярко и ровно, было своего рода искусство, которымъ домашніе любили похвастаться другъ передъ другомъ. Спичекъ, разумѣется, тогда не было, и, чтобы имѣть въ домѣ постоянный огонь, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ всегда теплился ночникъ—налитая саломъ особой формы плошка съ фитилемъ.

Большимъ украшеніемъ комнатъ служили сундуки, скрыни, ларцы—прекрасной работы, красиво окованные желѣзомъ, узорно обитые жестью или чаще тонкой мѣдью и нарядно и пестро расписанные красками. Въ этихъ сундукахъ, замѣнявшихъ наши комоды и шкафы, хранилось все имущество хозяевъ—ихъ одежда, бѣлье, матерьялы и запасы для новыхъ одѣяній.

Но главнымъ, самымъ роскошнымъ и самымъ чтимымъ украшеніемъ комнатъ были образа въ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ съ каменьями и жемчугомъ ризахъ чеканной, сканной, и другихъ еще видовъ работы. Образа ставились всегда въ кіоты и помѣщались въ переднемъ углу покоя. Этотъ уголъ съ образами всегда можно было задернуть красивой занавѣской, которую называли застѣнкомъ. Сверхъ того, каждый образъ отдѣльно задергивался привѣшеннымъ къ нему убрусцемъ; внизъ отъ кіоты спускалась пелена,—сшитый изъ красиво подобранныхъ квадратныхъ и продолговатыхъ кусковъ матеріи платъ съ нашитымъ по срединѣ изъ парчеваго позумента восьмиконечнымъ крестомъ. У богатыхъ людей и пелена и убрусцы были сшиты всегда изъ драгоцѣнныхъ матерій и украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Передъ кіотомъ и образами всегда висѣли лампады. Между всѣми

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

1-й Ленингр. Гос. Пед. Ин-т Библиотека иностранных языков 1054/24

образами, стоявшими въ одномъ углу, одинъ считался наиболѣе чтимымъ и ставился по срединѣ, окруженный другими, какъ бы рамкой. Обыкновенно это былъ образъ, съ которымъ были связаны семейныя преданія и воспоминанія, благословеніе родителей, царское жалованіе, благословеніе патріарха или чтимаго святого, преподанное кому-либо изъ предковъ хозяина въ трудную минуту его жизни. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ украшеніемъ стѣнъ служило парадное оружіе, дивной дамасской работы сабли, шлемы, щиты, охотничьи рогатины и ножи, красиво расположенные по шкурѣ огромного медвѣдя, сваленнаго рукой удачливаго охотника, взявшаго звѣря на рогатину.

Если бы современный человѣкъ какимъ-либо чудомъ очутился въ зажиточномъ русскомъ домѣ XVII в., онъ бы не скоро орiентировался въ расположеніи комнатъ и покоевъ дома. Это былъ цѣлый муравейникъ покоевъ, покойцевъ, комнатъ, свѣтлицъ, горницъ, сѣней, переходовъ, возникшій не сразу, по одному опредѣленому плану, а строившійся постепенно, по мѣрѣ нуждъ разроставшагося семейства. Въ этомъ смыслѣ типъ древне-русскаго дома былъ одинъ, начиная отъ царскихъ палатъ до жилья зажиточнаго многосемейнаго крестьянина.

Если бы можно было посмотрѣть на застроенный дворъ зажиточнаго древне-русскаго человѣка съ высоты, съ колокольни ближней церкви, напримѣръ, то сразу открылась бы причина кажущейся запутанности жилья. Прежде всего бросилось бы въ глаза, что у постройки есть центральная часть, отъ которой расходятся пристройки и къ которой сходятся при помощи короткихъ и длинныхъ крытыхъ переходовъ жилыя строенія, построенныя нѣсколько на отлетъ. Наблюдательный глазъ открылъ бы, что центральное строеніе старше другихъ, болѣе другихъ пострадало отъ времени и непогоды. Изъ этого наблюденія сразу стало бы ясно, что хоромы строились, усложнялись и увеличивались постепенно.

Общій планъ былъ таковъ: отъ главнаго дома шли просторныя сѣни, теплыя—здѣсь давались большіе обѣды и пиры.—онѣ соединяли главное строеніе съ другимъ, стоявшимъ на поворотѣ отъ этого дома, а далѣе находился третій, составлявшій со вторымъ уголъ.

Сѣни, или переходы, соединяли и эти два строенія и всѣ остальныя, которыя своими переходами, какъ бы примыкали къ эти три. Эти переходы различными линіями проходили отъ одного строенія къ другому. Если это былъ очень богатый домъ, то посреди двора стояла домовая церковь, и тогда большинство переходовъ сходилось къ ней. Форма домовъ была четырехугольная. Строились они изъ дубовыхъ или, чаще, изъ сосновыхъ цѣльныхъ брусьевъ, такой толщины, что теперь трудно и представить себѣ. Складывались эти брусья съ большимъ умѣньемъ и такъ плотно, что не видно было ни малѣйшей скважины. Гвозди въ постройкѣ почти не употреблялись, и брусья, положенные одинъ сверхъ другого, скрѣплялись посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы плотно входили въ зарубки или выемки.

Дома зажиточныхъ людей строились, обыкновенно, въ два этажа, иногда еще съ надстройкой наверху, такъ что иной домъ выглядѣлъ даже трехэтажнымъ. Входомъ въ домъ служило крыльцо съ лѣстницей, ведшей прямо во второй этажъ, который и былъ собственно жилымъ, въ нижнемъ же помѣщались обыкновенно дворня и разныя кладовыя.

Крыльцо въ богатыхъ домахъ старались дѣлать возможно нарядніе, съ точеными колонками, рѣзьбой и украшеніями, ярко и пестро раскрашенными „цвѣтами и травами“. Входъ въ нижній этажъ былъ особый; ступени лѣстницы крыльца приводили на площадку въ родѣ балкона, называемую рундукомъ, нѣчто вродѣ веранды; отсюда дверь вела прямо въ сѣни второго этажа. Нижній этажъ назывался подклѣтомъ. Второй жилой этажъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ-четырехъ покоевъ, кромѣ сѣ-

ней. Кухня или находилась въ отдѣльной пристройкѣ къ главному зданію, или же была вынесена совсѣмъ во дворъ въ отдѣльную постройку. Покои второго этажа носили общее названіе горницъ. Надстройки надъ горницами, образовывавшія какъ бы третій этажъ, назывались чердаками, надстройки надъ сѣнями—вышками. Жилыя комнаты были очень невелики. Обыкновенно, комнаты были отъ двухъ до трехъ саженъ длиною и столько же или немного меньше шириной; разумѣется, сѣни и палаты, предназначенныя для большихъ собраній, были обширнѣе, достигая шести и семи саженъ въ длину. Средняя высота покоевъ достигала трехъ-четырехъ аршинъ; вообще высокихъ комнатъ не любили. Крыша стариннаго русскаго дома была, обыкновенно, двускатная, деревянная—тесовая или изъ драни, покрытая иногда сверху еще берестой или дерномъ въ защиту отъ пожара.

Смотря по постройкѣ дома, онъ или весь находился подъ одной крышей, или же подклѣть, средній ярусъ и чердакъ имѣли часть крыши особо для себя; это въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка шла какъ бы уступами, все уменьшавшимися кверху. Крыша богатыхъ домовъ дѣлалась иногда, очень затѣйливой формы съ массой разныхъ красивыхъ выступовъ, прорѣзей, гребней, перилъ, теремковъ и т. п.

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія—листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники и т. п. Все это очень ловко и красиво вырѣзывалось изъ дерева и нарядно расписывалось красками и даже золотомъ. Украшеніями особенно пестрили чердаки.

Старинный домъ ставили всегда въ глубинѣ двора, окруженнаго солиднымъ заборомъ. Отъ крыльца главнаго дома шла къ воротамъ дорожка, иногда вымощенная камнемъ, но всегда очень чисто содержавшаяся, посыпанная пескомъ или скошенной свѣжей травой. Всегда запертыя главныя ворота, къ которымъ вела эта дорожка, украшались рѣзьбой и расписы-

вались красками съ особой заботливостью; ворота эти были крытыя, съ теремками и башенками, створки ихъ украшались живописными изображеніями орловъ, оленей, цвѣтовъ, а въ особой кіотѣ-часовенкѣ наверху находился образъ Спасовъ или изображеніе Честнаго Креста Господня во благословеніе всѣмъ входящимъ и исходящимъ изъ дома.

По соч. Н. И. Костомарова, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв.“.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

5619

Новая цена
Руб. — коп. 08

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-25

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ук
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35
Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фав
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38 — 41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — „*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494